

"MUSIC = LIFE" AND "SILENCE = DEATH" IN THE TENGRIAN PHILOSOPHY OF IMMORTALITY

S.Sh. Ayazbekova, Doctor of Philosophy., Full Professor, Corresponding member of IASHE, Corresponding Member of RAN
International Turkic Academy, Kazakhstan

The paper is devoted to exploration of the Tengrian religion and the religious outlook of the Turkic nations. At its core there is the cosmocentric model of the world with its philosophy of immortality. Analysis of numerous archaeological artefacts allowed us to make a conclusion that the concept of Silence (as a pause in turning of the wheel of immortality), and Music (as a phenomenon of eternal Life) have been imprinted in the Turkic philosophy throughout the history, and have remained its element.

Keywords: Turkic philosophy, music, life, death, immortality, Tengrism.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

«МУЗЫКА=ЖИЗНЬ»
И «ТИШИНА=СМЕРТЬ»
В ТЕНГРИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ
БЕССМЕРТИЯ

Аязбекова С.Ш., д-р филос., проф., чл.-кор. МАНВО,
чл.-кор. РАЕ
Международная Тюркская академия, Казахстан

Доклад посвящен тенгрианскому мировоззрению тюрков, в основе которого – космоцентрическая модель мира, с присущей ей философией бессмертия. Анализ многочисленных артефактов и ценностей позволил сделать вывод о том, что на протяжении многих тысячелетий в тюркской философии существовало и сохранилось до сегодняшнего дня в своей неизменности представление о Тишине как паузе в круговороте бессмертия, а Музыка как феномене бесконечной Жизни.

Ключевые слова: тюркская философия, музыка, жизнь, смерть, бессмертие, тенгрианство.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1579>

«Музыка=жизнь» и «Тишина = Смерть» – эта дилемма нашла широкое отражение в тюркской философии. Тенгрианское представление о времени и пространстве, о жизни, смерти и бессмертии сформировало цикличность мировосприятия, а потому оппозиция «Жизни и Смерти», «Музыки и Тишины» не проявлялась в разделенной конфликтности, а реализовалась в диалектической одновременности и многовариантной циклической повторности, когда начало цикла было связано с концом предшествующего цикла, а концу неизменно сопутствовало начало следующего цикла [1].

Согласно тенгрианским представлениям, человеческая душа, будучи частью души Вселенной, бессмертна, а потому ее движение циклично. Ее движение подчинено идее бесконечности человеческого бытия, и потому она проходит ряд перевоплощений: от жизни – к смерти и от смерти – к жизни. Так, тюрки не говорят «умер», а говорят «улетел». Это весьма специфическое восприятие смерти зафиксировано в Большой надписи (53) Стеллы Кюль-тегина – соправителя Второго тюркского каганата. В эпиграфии Кюль-тегину, памятнику письменности тюрков, созданному в VIII веке, сказано: «Кюль-тегин улетел в год овцы в семнадцатый день, в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны» [2].

Представление о полетности души связано также и с тем, что живая душа «звучала», тогда как душа «улетевшая» ассоциировалась с утерей голоса человека и с его смертью.

Автономность души от физического тела человека, ее связь со звуком-голосом была сопряжена с представлением о некоей автономности бытия музыки от ее создателя. Так, хайджи (певец и сказитель в тувинской культуре) «отпускает» свой голос, а его песня становится «подаренной» народу ценностью:

*«Выходящего из рта голоса своего
В песнях немало истратил я (сам).
В гости приехавшему другу
Веселую песню спою я.
В упряжке ходящего коня
По зеленой степи рысью бежать
пустил.
В груди моей таившиеся мелодии,
Чтоб слушал весь народ, пою» [3].*

В тюркском мировоззрении рождение человека, начало жизни было множественными нитями связано с предшествующими поколениями и жизненными циклами, а конец жизни воспринимался как начало следующей. А потому и составляющие оппозиции «Музыки и Тишины» не были отделены друг от друга пространственно, они существовали только во взаимосвязи как временные циклы.

Не случайно поэтому, казахский мыслитель XIX в. Абай Кунанбаев так определил значение песни в жизни казахов:

*Двери мира тебе открывает – песня.
Двери смерти тебе открывает –
песня.
Внимай ей, казах, постигай ее
мудрость.
Всей жизни твоей сопутствует
песня.*

Рождение. Музыка детства

Рождение ребенка в тюркской семье – это, прежде всего, его переход из Верхнего Небесного Мира в Средний Земной Мир. Этот переходный период длится с момента обнаружения беременности до 1 года ребенка. Разнообразны обряды «отделения», «промежуточные» и «включения» (термины А. Ван Геннепа [4]) в тюркской культуре, направленные «на введение ребенка в мир». В тюркской цивилизации, космоцентричной в своей основе, именно Музыка и гармоничное сочетание звуков и всего звучащего, играло особую роль в процессе включения новорожденного в Средний Мир (мир людей).

Музыка является одним из самых древних и самых сильных по степени и многофункциональности воздействия на детей видов искусства.

Не случайно поэтому, в культуре всех народов мира издревле существует целый пласт детской музыкальной субкультуры. Особенность этого пласта культуры состоит в том, что в отличие от других субкультур, имеющих зачастую функциональную однородность и направленность, музыка выполняет множество функций, направленных на формирование и гармонизацию разнообразных потребностей развития детей. Среди них можно выделить следующие: функция «включения в Мир», физическо-биологическая, социальная, психологическая, речевая, коммуникативная, игровая, этно-культурная, духовно-нравственная, эстетическая, трудовая, познавательная [5].

Разнообразие функций, которые возникают в процессе воспитания детей, обуславливает большое разнообразие жанров и музыкально-стилевых закономерностей, форм и содержания в музыкальном искусстве тюркских народов. Вместе с тем, одни и те же жанры и формы могут выполнять разнообразные функции (к примеру, колыбельная, может выполнять как отдельную функцию, так и практически все в одновременности).

При этом музыка в домашнем воспитании тюркских народов воздействует на мир детей комплексно, поскольку способствует «включению» в целостный мир: с его пространственным и временным членением, языком и культурой, морально-нравственными требованиями, потребностями в определенных видах трудовой деятельности общества. Музыка «включается» и там, где требуется переход из одного состояния, возраста, ситуации в другие; с ее помощью происходит постижение родного языка, формируется речь, укрепляется и совершенствуется физическое тело ребенка. И поэтому самая главная функция, а точнее – суперфункция, которую осуществляет музыка – это гармонизация ребенка с миром, обществом взрослых и детей, гармонизация внутреннего мира самого малыша, его духовных, интеллектуальных и физических потребностей. А это значит, что исторически тюрками была выработана такая система семейного воспитания, в которой музыка не только «включает»

его в Мир небесный и земной, но и способствовала многостороннему развитию детей в соответствии с их многообразными потребностями.

Смерть.

Музыка похоронного цикла

Похоронный цикл у тюрков, как и у многих других народов, является самой консервативной частью традиционного мировоззрения, в которой сконцентрированы представления о жизни, смерти и бессмертии. Сопровождаемый множеством обрядов, этот цикл, как никакой другой свидетельствует о той роли музыки, в которой отчетливо проявляется тенденция к угасанию звука и его «воскрешению».

В тюркской культуре существует целая система музыкальных жанров похоронного цикла, которая объединяется общим названием «песни скорби и печали».

Қоштасу (каз.), *коштошуу* (кырг.) – песни прощания. Основная тема этого жанра – прощание умирающего с родной землей, семьей, друзьями, любимым конем, охотничьей птицей.

В тюркской музыкальной культуре существует также отдельный музыкально-поэтический жанр, функция которого – извещение о смерти и утешение близких. В казахской культуре – это *естірту*. Призванный сообщить о смерти близких людей, этот жанр опирается на аллгорию, иносказательность, сопоставления с явлениями природы и животного мира, которые повествуют о скоротечности земного существования.

Наглядным примером этому является легенда «Аксақ құлан», распространенная у тюркских и монгольских народов, повествующая о том, как инструментальный жанр кюя «сообщает» хану о смерти его сына. Закономерен с точки зрения тенгрианского мировоззрения финал, когда заливается свинцом музыкальный инструмент, сообщивший эту скорбную весть.

Извещение о смерти (*естірту*) переходил в песни-утешения – *көніл айту* и *жубату*.

Вера в жизнь души в ином мире нашла отражение и в *песнях-плачах* по умершему (*жоқтау* – у казахов, *кай* – горловое пение у поволжских

татар, *Йиги*» *Йуклов*», *«Овоз солиши»*, *«Овоз бароварди»*, *«Нола»* – у узбеков).

Песни-плачи исполняются при выносе из дома и, судя по всему, обозначают выход из «своего пространства», начало вхождения в «иное пространство». Наряду с выражением скорби, оплакиванием умершего, в жоқтау воспеваются его достоинства и лучшие качества. Если рассматривать этот жанр в контексте «перехода» из одного мира в другой, то в нем явно можно проследить «презентационную» функцию – своего рода «представления» умершего перед «иным миром». Тем самым обозначается первый этап «ухода» из «этого мира». В совокупности этот процесс призван завершить один цикл, чтобы открыть следующий.

Что касается придания тела земле, то эта часть похоронного цикла проходит в полной тишине. Затем в течение целого года дважды в день – при восходе и заходе солнца исполняются песни-плачи [6]. Здесь очевидно, как на этап «конца» накладывается новый этап – «начала». Думается, что не случайно выбрано именно это время исполнения – время «рождения» и «умирания» дня. Будучи следствием космических процессов, это время было сакральным, а сакральное время – это время единства космического пространства – земного мира и небесного (мира аруахов), время единства процессов рождения и смерти (умирает один день, зарождается другой).

Так, Музыка вновь звучит тогда, когда конец одного цикла (дневного солнечного) налагается на начало следующего (ночного лунного), что свидетельствует о семантике бесконечности и бессмертия души, способствуя тем самым ушедшему – будущее воскрешение, а оставшимся – душевный покой.

В последующих циклах прохождения в «иной мир» – в 7 дней, 40 дней, годовщина со дня смерти - вновь звучат песни-плачи, которые опять-таки регламентируются временем и продолжительностью пения [7].

В пользу того, что песни-плачи выполняли функцию перевода в мир иной говорят и плачи южных чувашей, у которых плач при отправлении

называется «издание звука» (*сас* = *к=ларәёё*), его цель направлена на то, чтобы ушедший «не ходил на том свете немый, без звука» [8]. Аналогично этому называются и другие песни-плачи по умершему у казахов – песни «*Дауыс*» (голосить, причитать), «*Жылау*» (причитать).

Особенностью всех тюркских похоронно-поминальных песнопений-плачей является то, что их исполняют только женщины, что, возможно, связано с представлением о включенности женщины в циклический процесс бессмертия и зарождения новой жизни.

Роль песни-плача в похоронном обряде у многих тюркских народов была столь значительной, что в городских культурах (к примеру, у узб., азерб., турк.) практиковали даже приглашение на похороны специальных плакальщиц.

Эта песенная традиция проявилась и в более позднее время, в период распространения ислама в ритуальных песнопениях обряда радения – *садре* и *зикре* (поминаках). *Садр* проводился при похоронах молодого человека. Суть обряда состояла в том, что женщины вставали друг за другом, образуя круг, начинали медленно двигаться и в напевной и стихотворной форме рассказывали о своем горе. Песни-плачи являлись и составной частью *зикра* – в трехдневные, двадцатидневные и сорокадневные поминки [9].

В тюркской культуре, наряду с песнями-плачами, существуют и кюи-плачи (*зар*, *жоқтау*, *естірту*, *жұбат* – у казахов). Эти кюи выходят за рамки оплакивания умершего, и, как правило, выражают тенгрианские представления о смерти [10].

Ритуальная смерть

В тенгрианском мировоззрении, связанным с пониманием цикличности, реинкарнации-перевоплощения, существует представление о ритуальной смерти.

Ритуальная смерть является формой перехода из одного состояния в другое, из одного времени-пространства в другое. Смена циклов и состояний всегда сопровождается музыкой.

Ритуальная смерть возникает в

периоды перехода человека из одного возрастного периода в другое (время мушеля), изменения социального статуса (к примеру, выборы хана), перехода из одного родового пространства в другое (замужество), изгнание из родового пространства (насильственное выселение из аула).

С этим, возможно, был связан и феномен личных песен у всех тюркских народов, создаваемым каждым человеком в периоды соприкосновения с сакральным – «иным» миром. Музыка, согласно неписаным законам степного бытия, включалась в те моменты жизни каждого человека, когда рождался или распадался микрокосмос и необходимо было вновь воссоздать разрушенную или утраченную гармонию. Так, родившемуся ребенку мать поет свою колыбельную; со своим «*Туган жер*» прощается девушка с родными перед дорогой в другой для нее дом – дом мужа; провожая в путь, благословляя, давали свое *бата*; свою песню «*Жырма бес*» слагали, прощаясь с молодостью; своим «*жоқтау*» – песней-плачем провожали близкого человека в последний путь. А если вспомнить многочисленные «*толғау*» и лирические песни, то можно с уверенностью сказать, что каждый индивидуум в традиционной казахской культуре является создателем того или иного «музыкального сообщения» – «музыкальной ценности». Именно это в большей мере и определило чрезвычайно многообразие тюркского музыкального языка [11].

Песни-плачи невесты (*сынсу*, *кызтаньысу*) – прощание с отчим домом, родным аулом выражают собой ритуальную смерть. Символический конец этого цикла – умирания девушки как члена своего рода. В древности он ритуально обозначался завертыванием девушки в ковер (так же, как и умершего).

Ритуальная смерть также отражает представления тюрков о жизни, смерти и бессмертии. Ритуальная смерть в родовом пространстве отца перетекает в «воскрешение» в родовом пространстве мужа. При этом девушка «воскрешается» не в своем физическом возрасте, а ритуально – в возрасте ребенка [12]. Промежуточным жанром смерти-воскрешения, а

также жанром, объединяющим этот процесс в единое целое, является песня состязание (*Жар-жар* – у казахов, *Ёр-ёр*, *Улан* – у узбеков) в исполнении двух групп – мужской и женской. Неизменна в нем победа мужского начала, преобладание эмоций радости и праздника.

Начало новому циклу сопутствует передевание невесты и смена «укрытия» как поэтапного, постепенного рождения-возрождения. Ковер сменяется белым покрывалом, открыть его может только тот, кто исполняет песню. Тем самым наглядно вновь обозначается роль музыки в «рождении» нового члена рода мужа. Характерны с точки зрения «рождения нового члена семьи» песни, исполняемые в ауле (доме) мужа (*Бет-ашар* – у каз., *Келин салом* или *Хазор али* – у узбеков, «*Дуахганма*» – у азерб.). Исполнение этой песни-обряда является подтверждением ее вхождения в род мужа.

Смысл песни *бет-ашар* сводится к знакомству девушки с новой семьей. О каждом члене семьи музыкант споет отдельный куплет, одновременно давая наставление девушке о том, когда она должна себя вести по отношению к каждому члену семьи. Здесь же перечислялись все обязанности девушки, которые она должна была исполнять в новой семье:

*Ты при ранних, невестушка, вставай
лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах.
Коль в кибитке скот подойдет
впотьмах,
Папки не ломай на его боках.
Языком, невестушка, не болтай,
Даром сплетен, невестушка, не пускай,
Стариков, невестушка, уважай,
И дорогу, невестушка, им давай [13].*

К ритуальной смерти приравнивается и изгнание из родового пространства, которое могло произойти по нескольким причинам: нарушения законов (изгнание членами рода), а также быть результатом военных (изгнание внешними врагами) и политических событий (колониальное изгнание). Любое изгнание с родных мест, независимо от причин, было равносильно смерти, а потому сопровождалось пе-

сенным жанром, близким с комплексом похоронных жанров.

Тем самым, цикл «Жизнь-Смерть» сопровождается музыкой, тогда как Смерть ассоциирована с Тишиной.

Так, к примеру, на территории Азербайджана возводились специальные погребальные сооружения, где изолировались от мира живых людей тела умерших. Эти башни имели весьма символичное название – «Башни Молчания» [14], что отражало тюркские представления тюрков о звуке как свойстве жизни и тишине как свойстве смерти. В эти башни могли зайти только жрецы-шаманы как медиаторы миров.

Вместо заключения

Восприятие Музыки как глубоко духовного начала, связанного и определяющего жизнь человека, сохранилось и тогда, когда многие тюркские народы приняли ислам, христианство или буддизм. Появившиеся новые для тюркских народов канонические ритуальные музыкальные жанры были, как правило, адаптированы к тюркским музыкальным традициям, специфике музыкального языка и музыкального мышления. Новые традиции не смогли вытеснить тюркскую основу миропонимания, не смогли они уничтожить и те музыкальные жанры и формы, которые издревле существовали в тюркской музыкальной культуре.

И все же следует признать, что проникновение ислама, христианства и буддизма приводило к секуляризации картины мира, к ее сужению – от космоцентризма к теоцентризму. Поэтому у тех народов, у которых это воздействие имело масштабный характер (в особенности, у оседлых народов), Музыка Мира, как музыка Макро-и микрокосма стала постепенно исчезать. И не случайно поэтому, Музыка души начинает все больше и больше выполнять этические, эстетические и педагогические функции. Однако обрядовая музыка все же смогла сохранить самую главную функцию древней тюркской музыки – функцию внедрения в Мир. В особой мере это проявилось в наиболее консервативной части – музыке детства и похоронной музыке, поскольку они не входили

в полной мере в религиозную исламскую, христианскую или буддийскую жизнь тюркского суперэтноса.

Тем самым, на протяжении многих тысячелетий в тюркской философии существовало и сохранилось до сегодняшнего дня в своей неизменности представление о Тишине как некоей паузе в круговороте бессмертия, и Музыке как феномене бесконечной Жизни.

References:

1. Mukhambetova A.I. Tengrianskiy kalendar' kak osnova kochevoy tsivilizatsii (na kazakhskom materiale) [Tengrian calendar as the basis of nomadic civilization (based on the Kazakh material)]., Amanov B.ZH., Mukhambetova A.I. Kazakhskaya traditsionnaya muzyka i XX vek [Kazakh traditional music and the XX century]. – Almaty., Dayk-Press, 2002., pp. 11-53.
2. Malov S.Ye. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of the Ancient Turkic Literature. Texts and studies]. - Moskva-Leningrad, 1951. - 451 p.
3. Sagalayev A.M., Oktyabr'skaya I.V. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual [Traditional worldview of the Turks living in the South Siberia. The sign and the ritual]. – Novosibirsk., 1990, pp. 143-160.
4. Arnol'd van Gennep. Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov [Rites of passage. The systematic study of rites]., Per s frants. YU.V. Ivanova [Translated from French. By Yu. Ivanova. – Moskva, Vostochnaya literatura RAN [Eastern Literature Academy of Sciences], 1999. – 198 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226027180.001.0001>
5. Ayazbekova S.Sh. Funktsii muzyki v vospitanii detey (na primere tyurkskoy kul'tury), 82-aya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sub»yekt i ob»yekt poznaniya v proyeksii obrazovatel'nykh metodik i psikhologicheskikh kontseptsiy», 2 etap pervenstva po pedagogicheskim naukam [The functions of music in childrearing (on the example of Turkic culture), 82nd

International Scientific and Practical Conference «Subject and object of cognition in a projection of educational techniques and psychological concepts», 2nd stage of the championship in Education].-London.,Mezhdunarodnaya Akademiya Nauk i Vysshego Obrazovaniya (Velikobritaniya) [Academy of Sciences and Higher Education (UK)], 2014, Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/50325> <https://doi.org/10.18007/gisap:es.v0i6.826>

6. Auezov M. Ustnoye tvorchestvo kazakhov. [Kazakh verbal creativity], Access mode: <http://el.kz/m/articles/view/content-3693>.
7. Musakhan O. Traditsionnaya pesennaya kul'tura kazakhov Mongolii. - Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni iskusstvovedeniya. [Traditional song culture of the Kazakh people of Mongolia. - Abstract of the thesis for the degree in art]. – Almaty, 1997., pp. 13-14.
8. Pokhorony, potustoronnyaya zhizn' [Funeral, afterlife], Access mode: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=/86/3743/3437/3715.
9. Pokhoronnyye traditsii uzbekov., Uzbekistan. [Funeral traditions of the Uzbek people, Uzbekistan], Access mode: <http://www.uzbekistans.ru/kultura-i-tradicii/poxoronnie-tradicii-uzbekov.html>
10. Omarova G.N. Kobyzovaya traditsiya. Voprosy izucheniya kazakhskoy traditsionnoy muzyki: Monografiya [Kobyz tradition. The study of the Kazakh traditional music: Monograph]. – Almaty., 2009., pp. 87-88.
11. Ayazbekova S.SH. Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filozofiya muzyki kazakhov [World view of the ethnos: Korkut-Ata and Kazakh music philosophy]. - Almaty., Institut filozofii i politologii Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan [Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan], 1999.
12. Kokumbayeva B.D. Vzaimodeystviye semeyno-obryadovykh i liricheskikh pesen kazakhov (Plachi i pesni temy utraty): Diss. ... kand. iskusstv. [Interaction of family ritual and lyric songs of the Kazakhs (lamentations

and songs about the loss): thesis by the Candidate of art]. – Tashkent., 1988.

13. Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoy SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney). - Izdaniye 1943 g. 3-ye izdaniye. [History of Kazakhstan (the Kazakh Soviet history from ancient times to the present day). - 3rd Edition, 1943] – Almaty, 2011., p. 83.

14. Istoriya meditsiny v Azerbaydzhanе [The history of medicine in Azerbaijan]., Access mode: <http://www.brupharm.az/ru/statyi-otraznom/4-2010-09-08-09-26-01.html>

Литература:

1. Мухамбетова А.И. Тенгрианский календарь как основа кочевой цивилизации (на казахском материале), Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. – Алматы., Дайк-Пресс, 2002. – С.11-53.

2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.-Л., 1951. - 451 с.

3. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990, с. 143-160.

4. Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов., Пер с франц. Ю.В. Иванова. –

М., Восточная литература РАН, 1999. – 198 с. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226027180.001.0001>

5. Аязбекова С.Ш. Функции музыки в воспитании детей (на примере тюркской культуры)., 82-ая Международная научно-практическая конференция «Субъект и объект познания в проекции образовательных методик и психологических концепций», 2 этап первенства по педагогическим наукам - Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 2014 г., Электронный ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/50325> <https://doi.org/10.18007/gisap:es.v0i6.826>

6. Ауэзов М. Устное творчество казахов., Режим доступа: <http://el.kz/m/articles/view/content-3693>.

7. Мусахан О. Традиционная песенная культура казахов Монголии. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени искусствоведения. – Алматы, 1997., С. 13-14.

8. Похороны, потусторонняя жизнь., Режим доступа: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/3437/3715.

9. Похоронные традиции узбеков., Узбекистан., Режим доступа: <http://www.uzbekistans.ru/kultura-itradicii/poxoronnie-tradicii-uzbekov.html>

10. Омарова Г.Н. Кобызовая традиция. Вопросы изучения казахской традиционной музыки: Монография. – Алматы, 2009. – С.87-88.

11. Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов - Алматы., Институт философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, 1999.

12. Кокумбаева Б.Д. Взаимодействие семейно-обрядовых и лирических песен казахов (Плачи и песни темы утраты): Дисс. ... канд. искусств. – Ташкент, 1988.

13. История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней). - Издание 1943 г. 3-е издание. – Алматы, 2011. - С. 83.

14. История медицины в Азербайджане., Режим доступа: <http://www.brupharm.az/ru/statyi-otraznom/4-2010-09-08-09-26-01.html>

Information about author:

1. Sabina Ayazbekova – Doctor of Philosophy., Full Professor, Corresponding member of IASHE, Corresponding Member of PAE, International Turkic; address: Kazakhstan, Astana city; e-mail: ayazbekova@mail.ru

